

ЛОСЬ И ДОБЫВАНИЕ ЕГО В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В начале пятидесятих годов лоси своим неожиданным появлением в таких местностях Средней России, где присутствие их сделалось почти анахронизмом, обратили на себя всеобщее внимание. Еще удивительнее было то обстоятельство, что количество их нисколько не уменьшалось, а, напротив, ежегодно увеличивалось и лоси, прежде только случайно забегавшие на время, обыкновенно зимой, в подмосковные губернии, сделались здесь вполне оседлыми животными, т. е. начали встречаться в благоприятных местностях и зимой и летом и там же стали телиться. Первое время эти неожиданные посетители пользовались относительно безопасностью, так как ни охотники-промышленники из крестьян, ни настоящие охотники, считая появление их чистою случайностью и не умея охотиться за ними, не обращали на них внимания; но с шестидесятих годов лоси размножились до такой степени, что переселение их с севера на юг сделалось очевидным фактом, а охота на лося весьма обыкновенным явлением.

Действительно, не подлежит никакому сомнению, что лоси вследствие каких-то причин с недавнего времени начали постепенно и непрерывно подвигаться к югу и из лесов Вологодской губернии сначала перебрались в леса смежных — Ярославской, Костромской, Нижегородской, а отсюда несколько позже подвинулись еще далее к югу и появились в Московской, Рязанской, Калужской, Тульской, Тамбовской и Саратовской. Вообще даже старые охотники не запомнят, чтобы где-нибудь в вышеозначенных местностях лоси были так же многочисленны, как в настоящее время, или чтобы было замечено подобное непрерывное переселение; напротив, в давно прошедшие времена замечалось совершенно обратное явление и лоси постепенно вытеснялись из лесов Центральной России в более уединенные и безопасные местности северных и северо-восточных губерний.

До 1854—55 года лоси составляли весьма редкое и случайное явление в Ярославской губернии, известной нам лучше других; северные олени встречались гораздо чаще и в Моложском уезде, между реками Мологой и Шексной принадлежали даже к числу коренных животных. Но начиная с этого времени лоси появились разом во всех уездах в весьма значительном количестве, которое увеличивалось с каждым годом новыми пришельцами и новыми пометами; они начали показываться в таких местах, где присутствие их было доселе немыслимо, и нередко встречались в ближайших окрестностях губернского и уездных городов; в шестидесятих годах они, наконец, размножились до такой степени, что во многих местностях Ярославской губернии открылся небывалый до того лосиный промысел и многие промышленники без особого труда убивали по десятку и более этих зверей, доставлявших и ценную шкуру, и мясо; нам известно несколько случаев, что лоси (молодые) приставали к пасущимся стадам и убивались в деревнях; несколько раз убивали лосей во время переправы через Волгу; раз десять или более находили молодых, только что родившихся лосят, которые еще не могли бегать; все эти факты, подтверждающие необыкновенную многочисленность животного, повторялись, хотя несколько реже, и в более южных губерниях. В 1865 (?) лосей видели уже в Сокольниках и других окрестностях Москвы, а под самым Нижним двух лосей убили в воде в то время, когда они переправлялись через Волгу.

Какие же в самом деле причины этого странного и вместе с тем весьма значительного переселения? Без всякого сомнения, оно обуславливалось весьма многими причинами, а потому нет никакой возможности вполне объяснить это необыкновенное явление и приходится ограничиться, и то гадательно, за неимением обстоятельных сведений, только такими объяснениями, которые по аналогии имеют наибольшую достоверность. Очевидно, лоси подвинулись к югу вследствие изменения условий своего существования на дальнем севере и

северо-востоке; однако леса Вологодской губернии, хотя и уменьшились, но далеко не в значительной степени; северные зверопромышленники, владея разнообразными средствами добывания сохатых, конечно, истребляют их в огромном количестве, но как то, так и другое, очевидно, не может служить главным поводом к переселению. Причину его необходимо следует искать прежде всего в глубоких снегах, которые, как мы увидим далее, обуславливают ежегодную перекочку лосей с западного склона Урала на восточный, а затем в частых и продолжительных лесных пожарах в Вологодской губернии, влияние которых на переселение животных несомненно и не ограничивается известным пространством.

Так или иначе, во всяком случае, в настоящее время лоси не составляют особенной редкости в среднерусских губерниях, и, вероятно, многие из читателей наших не раз встречались с этим огромным зверем, занимающим по своей величине первенствующее место между животными севера. Поэтому полагаем, для них будет весьма интересно познакомиться с образом жизни лоса и способами его добывания. Имея это в виду, мы подвергаем на суд их краткий очерк этого животного, который вместе с весьма обстоятельной статьей Черкасова даст им довольно полное понятие об этом замечательном животном.

Наружность лоса более или менее известна каждому охотнику и неохотнику, и потому мы не станем подробно описывать и ограничимся только главными характеристичными признаками, отличающими его от других животных рода оленей. Он значительно выше и массивнее всех прочих представителей этого семейства, и хотя не имеет стройности и красоты косули, тем более благородного оленя, но все-таки далеко не так неуклюж, как северный олень, от которого резко отличается короткостью своего туловища и несоразмерно длинными ногами, которые позволяют ему бегать так скоро обыкновенною побегою — рысью, что лошадь не может его догнать. Обыкновенно туловище лоса от конца морды до хвоста бывает длиною до 8-ми футов, редко более; высота ног от лопатки около шести футов; шея его короткая и мускулистая, особенно у самцов, у которых видимая толщина шеи еще более увеличивается короткою шерстью на загривке, расположенною по обе стороны шеи; сила шейных мускулов, которые с лишком вдвое

объемистее мускулов лошади, зависит от громадной величины и тяжести головы, которая бывает до двух аршин длиною и вытягивает иногда более двух пудов; ноги тоже иногда весят более пуда. Соразмерно с величиною и тяжестью головы живой вес лося нередко достигает более тридцати пудов, но туша в весьма редких случаях бывает более двадцати пяти, а у самок, которые вообще гораздо ниже на ногах и не так массивны, редко доходит до 18-ти пудов; большинство лосей, убиваемых в Пермской губернии, весит в туше около 15-ти пудов, и здесь довольно редко попадаются совершенно взрослые самцы. Рога лося весьма отличаются от рогов других видов рода *Cervus* и имеют вид большой лопатки, из которой торчат отростки в виде пальцев; по количеству этих отростков можно приблизительно довольно верно вычислить года зверя. Уши лося очень длинные, почти вдвое более, чем у северного оленя, и напоминают отчасти ослиные; под горлом у самцов находится большой нарост, т. н. серьга; хвост очень короткий; шерсть зимою темно-бурого цвета, летом сероватая, бусая, как обыкновенно говорится; ноги, голова и зад рыжеваты; копыта лося соразмерно с его ростом далеко не так широки, как у северного оленя, и потому в таких топких местах и по такому насту, по которому олень проходит беспрепятственно, лось проваливается; почти никакой наст и не в состоянии выдерживать его громадной тяжести и при глубоком снеге губит их во множестве, десятками, сотнями продавая в руки охотников, легко заганивающих их на лыжах.

Распространение лося в Пермской губернии почти совпадает с распространением медведя. К югу от Чусовой на западном склоне лось встречается редко и большею частию случайно, к югу от Пышмы на восточном он также появляется очень редко. Главная масса лосей в летнее время сосредоточивается на западном склоне Урала, в северной половине Пермского, в Соликамском и Чердынском уездах, но зимой большинство их переходит через Камень в Верхотурский, частию Екатеринбургский уезд, где лоси летом встречаются в гораздо меньшем количестве, почти исключительно придерживаясь восточных окраин Верхотурского уезда, ближе к Тобольской губернии, где начинаются обширные болотистые леса, которые далее к северу переходят уже в настоящие тундры; но в последних количество сохатых снова уменьшается. Вообще распространение их гораздо ограниченнее распространения северного оленя, которые встречаются и на Дальнем Севере, и по всему Уралу, заходя южнее Златоуста; лоси же большею частию появляются в самом Урале только на весьма короткое время — во время осенних и зимних переходов; в Полевской и Нязепетровской дачах, южнее Екатеринбурга, они несравненно малочисленнее северных оленей; последние еще встречаются здесь в весьма значительном количестве и в этих западных предгориях Екатеринбургского Урала составляют предмет почти главного звериного промысла. Впрочем, и в Верхотурском уезде в летнее время олени встречаются гораздо чаще лосей; то же самое можно сказать и относительно Чердынского уезда; только Соликамский и северная половина Пермского уезда составляют, так сказать, коренное местопребывание лосей, и здесь их, бесспорно, гораздо более, чем оленей.

На юго-восточном склоне Екатеринбургского Урала лоси составляют большую редкость: они еще довольно обыкновенны в больших болотистых лесах, лежащих на северо-восток от города по берегам Пышмы, Рефта и Режа, но в Сысертские увалы заходят только случайно; еще реже замечали появление их в Каслинской и Кыштымской дачах, и здесь немногие охотники могут похвалиться даже тем, что видели их. В Каслинском Урале в двадцать лет, сколько нам известно, убито было только два лося — один у Чусовских озер, откуда берет начало Чусовая, (1) другой недалеко от того же места, в окрестностях озера Иткуля; следы их видят, однако, довольно часто, хотя не каждый год, и большею частию в этих же местностях, что объясняется тем, что они приходят сюда, следуя берегами Чусовой; в Кыштымской даче всего чаще видят их в окрестностях Юрмы, и, если верить некоторым охотникам, лоси встречались там прежде во все времена года и

телились. В Златоусте и Миясе они едва ли не многочисленнее, чем в вышеупомянутых дачах, и шурянские башкирцы нередко убивают их по рекам Ургале и Арше, но навряд ли лоси встречаются далее к югу: судя по всему, южная граница лося в настоящее время должна проходить несколько севернее границы косули. В Шадринском, Челябинском и вообще в березовых лесах черноземной равнины, начинающейся несколько южнее Екатеринбурга (собственно к югу от Сысертско-Каменных увалов), лось положительно никогда не встречается; в северных уездах Уфимской губернии он очень редок и чаще всего замечается в т. н. Белых степях Нязепетровского Урала; в Полевском лоси водились прежде у Азовой горы, но теперь приходят туда из Сергинской дачи, где уже довольно многочисленны; далее, к северу и северо-западу, количество их постепенно увеличивается до берегов Вишеры Чердынского уезда. На северо-восточном склоне Урала лось чаще всего встречается в окрестностях Алапаевского и Салдинского заводов и к востоку от Богословска — по берегам Сосьвы и далее к Пелыму.

В самом Урале, начиная от Тагила, лоси живут только зимой. Они приходят сюда перед снегом в сентябре и численность их все более и более увеличивается до ноября; в марте начинается их обратное переселение за Камень, к берегам Чусовой и в Соликамский уезд. Как уже было замечено выше, лоси на восточном склоне Урала зимой гораздо многочисленнее, нежели летом и главная масса их летует в северо-западной половине Пермской губернии. Причина этих переходов, повторяющихся ежегодно с почти неизменной правильностью, имеющих место для весьма многих животных края, особенно ясно выраженных у косуль в Екатеринбургском Каслинском Урале, та же, как у коз. Дело в том, что в Соликамском уезде снег выпадает еще в сентябре и нередко в этом же месяце достигает полуаршина глубины; в декабре и январе глубина снегов в западном склоне Урала нередко бывает до двух аршин, даже более, и, во всяком случае, значительно, нередко вдвое, превышает глубину снегов на восточном склоне, где притом снег падает значительно позже и гораздо скорее сходит. Очевидно, эти глубокие снега северо-западных (и западных) уездов, затрудняя передвижение животных и подвергая их почти поголовному истреблению промышленниками, без особого труда нагоняющими их на лыжах, имеют необходимым следствием перекочевку лосей в более безопасные местности и эти ежегодные переходы на восток и обратно. Переходы эти, в свою очередь, объясняют то с первого взгляда весьма странное обстоятельство, что главная масса лосей добывается не там, где они держатся большую часть времени года, не в низменных лесах, ограничивающих с обеих сторон предгория Урала, а в самом Урале, где тесные лога, иногда настоящие ущелья, которыми лежит путь их, способствуют устройству многочисленных ям, ловушек и капканной ловле; зимой по глубокому снегу лосей заганивают также во множестве на лыжах, а позже по насту. Такими способами в Богословском, Гороблагодатском и Тагильском Урале ежегодно добывается не менее тысячи лосей, а при благоприятных условиях и значительно более. В одних окрестностях Богословского завода в конце 60-х годов добывалось около трехсот штук, но и в Тагиле бывали случаи, что двое охотников в одну неделю заганивали более двадцати лосей и в такое короткое время выручали на одном мясе около 250 р. сер.

В Тагильской даче переход лосей, впрочем, едва ли не яснее выражен, чем в каких-либо других местностях Урала; местных сохатых здесь вовсе нет, и они встречаются только ближе к Чусовой, а на восточном склоне, в Алапаевской и Салдинской дачах, не ближе 60—70 верст от Тагила; далее к северу западные предгория еще более суживаются, и местные лоси встречаются в ближайших окрестностях Павдинского и Богословского заводов. Еще большее значение имеет то обстоятельство, что в Богословском Урале глубина снегов очень немного превышает глубину снегов соответственных широт западной половины Пермской губернии, почему и переходы имеют скорее юго-восточное, чем восточное направление.

Однако переселения эти, хотя и повторяются ежегодно, не всегда совершаются в одинаковой степени; запоздавшие лоси нередко остаются на своих летних местах, так что количество зазимовавших зверей бывает тем значительнее, чем позже выпал снег и чем менее глубина его на западном склоне; часть сохатых, конечно, перекечивается за Камень еще до снега, но дальние пришельцы очень часто не успевают дойти до хребта, а лоси, летовавшие в низовьях Чусовой, Косьвы — ближе к Каме, где снега всегда мельче, чем в предгорьях Урала, очень часто остаются здесь зимовать и почти не подвигаются к востоку. Вообще по мере удаления от хребта перекечки постепенно слабеют, и лоси из Вятской и Вологодской губерний, по всему вероятию, встречаются на восточном склоне очень редко и в исключительных случаях.

Во всякое время года лось держится преимущественно в логах и долинах рек и никогда не поднимается на горы подобно северным оленям, которые очень часто, особенно в летние жары, забираются на самые верхушки высоких камней, спасаясь там от докучливого овода. Лось почти всегда живет в осинниках и березняках, растущих именно у подошвы гор и по берегам рек; нередко также он встречается в болотах, поросших ивняком, который вместе с осиновыми и березовыми побегами составляет главную пищу этого животного; иногда, впрочем, по той же причине лось встречается и в более сухих местностях, куда привлекает его вересовник (можжевельник) и кипрей, который сплошными зарослями покрывает т. н. гари. Тальник и вересовник составляют любимое местопребывание лоса, и здесь он обыкновенно жирует, т. е. кормится более или менее продолжительное время, притом на весьма небольшом пространстве: иногда случается, что целое стадо лосей в десять, даже двадцать голов неделю и две держится на нескольких десятинах, до тех пор, пока не станет чувствовать недостатка в пище, тогда стадо перекечивается на другое место, на третье и так далее. Такой жир легко узнать по многочисленным объединенным ветвям, еще скорее по бесчисленным следам: сначала лоси делают тропы и ходят ими, но затем мало-помалу начинают бродить по всему жиру и утаптывают его до такой степени, что на нем буквально не остается живого места. Впрочем, они редко ночуют на этом самом месте, а обыкновенно в чаще и крупнолесье, откуда выходят одною и тою же тропою; там же они проводят некоторую часть дня: лоси, как почти все звери, кормятся большею частию по утрам и вечерам. Но сохатый все-таки не живет долго на одном и том же месте; он круглый год, тем более зимой, когда чувствует несколько больший недостаток в пище, ведет более или менее бродячую жизнь и в продолжение нескольких недель жирует только в самых уединенных местностях, где его никто не беспокоит; долговременные утопанные жиры замечаются обыкновенно в конце зимы и обуславливаются настом, которого лоси очень боятся и который для них самый главный, хотя и не прямой, враг. Как уже известно, вследствие той же причины большинство козлов в Каспийском Урале переходит из логов на вершины гор и делает там подобные утолки; явление это наблюдается также у северных оленей, но в гораздо слабой степени: они хотя и ходят в феврале и марте все одними и теми же тропами, но на более значительные расстояния, иногда на несколько верст, и никогда не теснятся на таких ограниченных пространствах, как козлы и лоси. Это, конечно, зависит от несоразмерной ширины копыт северного оленя, которая одинаково позволяет ему ходить не проваливаясь как по таким топям, где не может пройти человек или какой-либо крупный зверь, так и по крепкому насту или утопанной тропе. Вот почему загнать оленя несравненно труднее, чем его ближайших родичей.

Весной, в апреле, лоси ходят уже очень широко и бродят всюду: большая часть их на восточном склоне возвращается обратно на запад, и обыкновенно с этого месяца количество их в Урале видимо уменьшается. В июне и июле лоси придерживаются болот, берегов рек, озер, в особенности ручьев и почти всегда выбирают самые прохладные места. Очень часто в это время их можно встретить в воде, откуда они выставляют только голову или даже ноздри; нередко лось

ныряет, доставая некоторые водяные растения. Плавает он превосходно и легко переплывает большие реки и озера и вообще в воде чувствует себя очень хорошо. Весьма часто лось прибегает купаться в удобные и глубокие омуты рек или в озера за несколько верст, иногда за десять и более, в таком случае непременно утром или вечером; если же он живет поблизости, то его можно видеть в воде и в самое жаркое время дня: здесь он кормится и вместе с тем укрывается от зноя и сильно надоедающего ему оленьего овода, который летом кладет яички под кожу лосей; из яичек выходят буроватые продолговатые личинки, которые причиняют зверю сильное беспокойство, но вместе с тем приносят ему и некоторую пользу, избавляя от худосочия.

В начале лета лосихи мечут молодых и первое время ходят с ними на очень небольшие расстояния, но через месяц водят их всюду и уже не имеют постоянного пристанища. В сентябре, иногда в августе, начинается течка, и молодые лосята оставляют на время своих маток и ходят с годовалыми и двухгодовалыми сохатыми в продолжение нескольких недель, но не более месяца; по окончании течки мать находит их и продолжает ходить с ними до следующего теления. По окончании гоньбы, обыкновенно с сентября, начинается перекочевка с запада на восток; вообще с этого времени до наступления настоящей зимы, т. е. до ноября, они ходят очень широко и ведут бродячую жизнь, останавливаясь на одном месте не более как на двое-трое суток; в декабре эти дальние переходы совсем оканчиваются и они держатся в одном и том же месте гораздо дольше; лоси собираются тогда в довольно большие стада, обыкновенно в 5—10 голов, но иногда держатся по 15—20 вместе. Большею частью взрослые самцы ходят с прошлогодними и третьегодними молодыми, а самки с нынешними лосятами образуют отдельные стада; впрочем, вместе с ними часто встречаются прошлогодние лосята, которых в Богословске называют валюнами. (2) Старые самцы редко собираются в большие стада, обыкновенно они ходят втроем, впятером, а бывает что и в одиночку; так же редко можно встретить старых самцов — быков, как их иногда называют, в стаде самок. Чем более стадо лосей, тем для них легче прокладывать новый путь по глубокому снегу; в этом случае передовые всегда чередуются, а задние стараются попасть след в след; эта предосторожность особенно соблюдается в чарым, так как проламывание крепкой снежной коры для них весьма затруднительно и они очень часто подрезывают малые задние копытца — пазанки — до крови. На торных тропах лоси не чередуются и впереди идет постоянно или самый старый самец, или самая старая самка.

След сохатого очень велик и бывает иногда более четверти в диаметре; у самца он больше и круглее, чем у самки; как бы ни был глубок снег, лось никогда не бороздит снега. Значительная ширина копыта позволяет этому животному легко проходить такими болотами, где лошадь непременно бы увязла, но все-таки в этом отношении он далеко уступает северному оленю, который имеет относительно большее копыто. Лось ходит или шагом или рысью, в обоих случаях очень высоко поднимая ноги; бежит он всегда, заложив рога на спину, с быстротою, иногда превосходящую быстроту скачущей лошади, которая может нагнать его только на чистом месте и по глубокому снегу. Лось бежит вскачь, только когда ранен или очень устанет. Во время бега задние малые копытца щелкают наподобие кастаньет. Обыкновенно лось, спасаясь бегством, забирается в самую чащу леса и лезет напролом в такой чапыжник и такой ельник, где не только проехать верхом, но мудрено пройти и пешком; поэтому добывание лосей гонкой на Урале весьма несподручно и употребляется только в южных предгорьях Урала, например в Нязепетровской и Кыштымской дачах, где лоси, как уже сказано, очень редки и встречаются большею частью случайно. Чаше, хотя тоже очень редко, заганивают лосей на льду, потому что они, пробежав на нем несколько сажень, падают и поднимаются с большим трудом; но дело в том, что не очень-то легко выгнать их на озеро и такая охота возможна только при большом числе охотников.

Сохатый очень осторожен, особенно весной; он превосходно слышит и при малейшем подозрительном шорохе скрывается в чашу; чует он при благоприятном ветре также далеко, но за всем тем в ветреную погоду к нему довольно легко подкрасться на выстрел, тем более что он видит довольно плохо, хотя и гораздо лучше косули. Увидав или почуяв человека, лось обыкновенно бросается опротивить в противоположную сторону и бежит во весь мах, без особого затруднения перепрыгивая через огромные валежины. Во время течки, когда самцы бывают очень злы, случается, однако, что они сами нападают на человека; еще чаще бывает это, когда зверь легко ранен: тогда охотнику приходится очень плохо — лось нередко затаптывает его, бьет передними и задними ногами, бодает рогами и грызет зубами. Поэтому охота на лося гораздо опаснее, чем охота на медведя, и несчастных случаев бывает на ней гораздо более, хотя охотник легко может спастись от ярости зверя, влезши на дерево. Однако ему приходится иногда сидеть здесь очень долго в ожидании выручки, так как лось несколько часов, иногда чуть ли не целые сутки, держит охотника в осадном положении и не отходит от него далеко. Заганиваемый лось тоже очень опасен, и с ним тоже надо соблюдать известные предосторожности: заворачивать заранее лыжи и т. п.; всего же вернее не преследовать зверя без собак, которые его задерживают. Уставший лось вдруг останавливается, собирает последние силы, наклоняет голову к земле и, прижав уши, внезапно бросается на охотника, чтобы схватить на рога или затоптать. Лосиха далеко не так отважна, как самец, и кидается на охотника очень редко, большею частью тогда, когда убьют или ранят ее теленка.

Следы лося легко узнать как по их величине, так и по калу, который похож на овечий помёт, но значительно крупнее; (3) летом кал этот бывает обыкновенно несколько мягче и маслянистее, чем зимой, так как в холодное время и пища их делается тверже и вязущее. При небольшом навыке можно очень скоро научиться узнавать, как давно прошел лось известным местом, надо только внимательно осматривать, подсохла ли или нет примятая трава, завяли ли обломанные им ветви и насколько свеж излом этих веток: по этому последнему признаку узнают свежесть следов и зимой, но тогда большею частью довольствуются исследованием самого следа и смотрят, мягки ли края вдавления, не затвердели ли они, или, наконец, не покрылся ли самый след инеем или свежим снегом.

Лось редко подает голос; мычит обыкновенно только самец, и то во время течки или, вернее, перед течкой. Голос этот или рев похож на короткое и отрывистое мычание и бывает слышен вначале осени на весьма далекое расстояние. Лосиха кричит, только когда зовет теленка или чего-нибудь испугается, и голос ее гораздо слабее. Смертельно раненный лось всегда стонет.

Пища сохатых довольно разнообразна, но большею частью состоит из горьких веществ: кора и побеги тальника и осинника составляют главный корм этого животного. Кроме того, лось с большим удовольствием ест прутья и листья липы, рябины, хвою пихты, вересовника, сосны и ели, даже сосновые шишки; часто он нагибает верхушки деревьев в том и пропускает небольшие деревья между ног, отчего нередко деревья не выдерживают его громадной тяжести и ломаются. Вообще лось, где долго жирует, производит порядочное опустошение, и там, где прошло или кормилось большое стадо, иногда не остается ни одного нетронутого куста или дерева; особенно печальный вид имеет жир в осиннике, так как осина всегда, тем более зимой, чрезвычайно хрупка и очень легко ломается. Вот почему в Северной Германии, где лось, впрочем, очень редок, он считается самым вредным животным для лесоводства; на Урале, конечно, этот вред незначителен: лесу здесь не занимать стать, и навряд ли даже кому из промышленников приходило в голову, что лось животное вредное. Из травянистых растений сохатый употребляет в пищу исключительно высокорослые или водяные растения: короткая шея и длинные ноги не

дозволяют ему нагибать голову к самой земле: поэтому лось, когда бывает к тому вынужден, щиплет низкую траву, широко раздвинув передние ноги, (4) или же выбирает для этой цели места, расположенные уступами. Высокие травы он всегда ест весьма охотно и наибольшее предпочтение между ними отдает кипрею, малине и некоторым зонтичным растениям. Из водяных растений лось ест с особой жадностью *Festuca fluitans*, косатик (*Iris*), палочник (*Typha*) и некоторые другие; в августе перед ревом, по замечанию охотников, он кормится исключительно треполой (*Menianthes trifoliata*), горечь которой приходится ему вполне по вкусу. Грибов и ягод лось, по-видимому, никогда не ест, но изредка употребляет в пищу древесный мох и лишай, растущие на камнях.

Переходим теперь к подробному рассмотрению периодических явлений в жизни лоса, т. е. линянью, течке и телению.

Лось линяет, подобно всем животным рода *Cervus* и многим другим, только однажды в год. В апреле шерсть у него начинает сильно лезть и шкура годится только на замшу; в мае показывается новый, короткий рыжевато-серый волос, но окончательно сохатый вылинивает в июне. В сентябре и октябре лоси имеют уже довольно длинную шерсть, которая продолжает отращивать до весны; самое отцветание ее, по-видимому, происходит таким образом, что рыжеватые и бурые кончики волос обсекаются и шерсть получает темный цвет. Точно так же отцветает шерсть у козлов и оленей.

К явлению линяния следует отнести и ежегодную смену рогов. У старых лосей рога спадают около рождества; в октябре по первому снегу стреляют лосей еще всегда с рогами; молодые лоси сбрасывают рога гораздо позднее, нередко в марте и апреле. Следует заметить, что зимой рога у лосей очень плохо держатся на гроздах: иногда достаточно слабого удара, чтобы сбить их; случается, что лоси, проходя чаще и задевая за сучки рогами, оставляют их на деревьях. В конце зимы и раннюю весну самцы бывают так же комолаты, как самки, и издали отличить их от последних довольно трудно, но опытный охотник, который легко отличает самца от самки по одному следу, разумеется, нисколько не затруднится и легко узнает самку по ее меньшему росту, короткости ног, по ее более тонкой шее и, наконец, по самой осанке: как известно, не только все самцы зверей, но даже и птиц своим бодрым и живым видом резко отличаются от своих самок.

Новые рога обыкновенно показываются не ранее, как в феврале или марте, и растут очень скоро, так что в два месяца достигают своей настоящей величины, а затем начинают твердеть. Сначала они бывают мягки, заключают в себе целую сеть кровеносных сосудов, вместо отростков оканчиваются желваками и покрыты темной кожей, иногда называемой лыком. В июне от отложения извести из крови рога имеют уже достаточную твердость, а в июле или августе кожа, покрывающая рога, начинает отваливаться большими клочками; в это время лось беспрестанно трет рогами об сучья и кору деревьев и таким образом способствует скорейшему спадению этой кожи, которая, по-видимому, его крайне беспокоит. Случайные повреждения еще мягких рогов имеют сильное влияние на их рост и форму и потому довольно часто случается видеть у лосей, что один рог значительно меньше другого и имеет меньшее количество отростков. Число последних редко бывает более двадцати на одном роге, и большая часть лосей, убиваемых на Урале, имеют от 5-ти до 10-ти отростков. Форма лосиных рогов весьма характеристична, и потому они не могут быть смешаны ни с какими другими. Каждый рог состоит из небольшого корня, от которого начинается большая или меньшая площадка, у старых лосей достигающая полуаршина длины; лопата эта имеет округленно-треугольную форму и состоит из двух частей: верхней вертикальной и нижней меньшей, обращенной несколько вперед и имеющей меньшее количество отростков,

которые всегда бывают несколько короче ширины лопаты; между большими отростками нередко замечаются меньшие, недоразвившиеся.

У молодых лосей-самцов рога показываются на восемнадцатом месяце и вырастают не более 6 вершков. Рога эти лишены отростков, всего толще на двух третях длины и имеют вид несколько искривленного столбика; вес их немного более полуфунта. В апреле или мае следующего года эти рога, называемые спичками, спадывают и заменяются новыми, у которых замечается обыкновенно два, иногда три отростка; вместе с ними животное достигает совершеннолетия и следующей осенью уже способно к оплодотворению; на четвертом году начинает образовываться лопата, и каждый рог имеет от 3-х до 5-ти отростков и около 5 фунтов весу.

Течка молодых, так же как и худых, неотъевшихся лосей, начинается несколько позже, чем у старых и жирных самцов и самок. Уже в августе взрослые самцы начинают выходить на болотистые берега рек и с жадностью едят горькую *Menianthes*, а в конце месяца можно уже слышать лосиный рев — предвестник наступающей течки. Этим коротким и отрывистым ревом, слышным иногда за две версты и более, (5) самцы призывают к себе самок, которые в сентябре покидают на время своих телят и начинают все чаще и чаще встречаться вместе с самцами. Последние обыкновенно выбирают себе только по одной самке, что, вероятно, происходит оттого, что они гораздо многочисленнее самок; в случае же обладания двумя или тремя самками самец очень скоро остается при одной; остальными, иногда всеми, завладевают более сильные и более счастливые соперники. Между быками довольно часто происходят весьма ожесточенные драки, которые иногда оканчиваются смертью более слабого противника. Весьма понятно, что при таком сильном соревновании молодые лоси, только что достигнувшие совершеннолетия, очень редко могут обгоняться даже с молодой самкой; это удается им большею частью не ранее как по достижении 4-х летнего возраста; восьми- и десятилетние — самые сильные сохатые — очень редко остаются холостыми. Лоси вообще живут очень долго, но редко успевают здесь достигнуть глубокой старости и обыкновенно убиваются в цвете сил; 20—25-летние сохатые встречаются уже очень редко, но, судя по всему, лось может доживать до 30-ти, даже до 40-летнего возраста. Лоси гонятся на довольно чистых местах, никогда в чаще, а большею частью по опушкам лесов, вблизи рек. Каждая пара выбирает себе известное место, откуда почти не выходит; во время течки лоси живут вполне оседло и редко бродят шире чем на версту. В гоньбу самец почти ничего не ест, но часто пьет; он неотступно следует за своей самкой и беспрестанно лижет ее; держит он тогда голову очень низко и опускает уши, плохо видит, слышит и чует, но, несмотря на это, необыкновенно зол и нередко бросается на человека; в это время шея у него, как у козла, необыкновенно толстеет, а мясо получает неприятный вкус и не употребляется в пищу. Гоньба, по-видимому, продолжается недели две, а весь период течки никак не более месяца; по окончании ее самки отыскивают своих телят, все это время ходивших с молодыми лосями-валюнами, а самцы снова удаляются в чащу и там скоро отъедаются и собираются с силами; лосихи мало худеют, и мясо их имеет почти обычный вкус. (6)

Лосиха носит девять месяцев, и первые пометы встречаются не ранее мая, а большинство маток мечет в конце этого месяца и в июне. По мнению других, время стельности еще продолжительнее, а именно сорок недель, но это, в сущности, не составляет значительной разницы. Самки телятся в самых уединенных местностях северо-западной и северо-восточной части Пермской губернии, по берегам Чусовой, Косью, Камы — на западном склоне и Режа, Тагила, Салды, Туры и Сосвы — на восточном. К югу от Сибирского тракта лоси мечут и вообще

встречаются летом очень редко; в самом Урале пометы тоже весьма редки и можно даже сказать, что по мере удаления от главного хребта число их постепенно увеличивается.

Молодые, т. е. трех-пятилетние, самки всегда приносят только по одному теленку; старые лосихи нередко телятся двумя, но за всем тем нельзя не заметить того странного обстоятельства, что в Пермской губернии двойни встречаются гораздо реже, чем в Средней России; по крайней мере во всех известных нам случаях нахождения молодых лосей в Ярославской губернии находили по два теленка, а здесь гораздо чаще видят и старых лосих с одним лосенком. Явление это совершенно необъяснимо, и в самом деле трудно объяснить, почему в низменных лесах Вологодской, Тобольской губерний и других местностей производительность лосей сильнее, чем в гористых местностях; по свидетельству Черкасова, лоси и в горах Забайкалья в весьма редких случаях телятся двумя теленками; в Урале двойни случаются, конечно, чаще, но это самое может служить как бы подтверждением странного влияния более возвышенных местностей на плодovitость лосей. (7)

Лосихи мечут всегда в логах, в чаще, преимущественно в осинниках, прямо на траве. Судя по всему, промежуток между тelenием первого и второго теленка довольно значителен, никак не менее суток, а может быть, и более. Это следует заключить из того, что случается находить недавно родившихся телят, из которых один уже порядочно ходит и обыкновенно убегает вместе с матерью, между тем как второй не в состоянии подняться на ноги. По мнению здешних охотников, новорожденный лосенок лежит не вставая около двух дней и только на третий становится несколько крепче и начинает понемногу ходить; вообще лосята первое время очень слабы и до двухнедельного возраста ходят очень мало, но месячный теленок нередко ходит вместе с матерью на значительные расстояния, не отставая от нее, и уже не всякая собака в состоянии догнать его. Лосихи обыкновенно первое время не отходят далеко от теленка и кормятся неподалеку от него: в июле они уже всегда покидают избранную ими местность и ходят с телятами на большие расстояния, а в августе ведут с ними вполне бродячую жизнь и останавливаются на весьма короткое время и много-много проводят двое или трое суток на одном месте.

Молодой лосенок очень высок на ногах и кажется очень тонконогим и поджарым. Несмотря на это, он довольно красив и строен, хотя далеко уступает в этом отношении молодому козленку. Шерсть у него рыжеватая, всегда без поперечных желтых полос на боках, так что он весь одноцветный, только брюхо несколько светлее. Матка первое время кормит его одним молоком, которое, как говорят охотники, очень жидко и синевато, и очень любит: часто лижет его, всячески ласкает и играет с ним, чутко сторожит всякую опасность, при виде охотника или собак выходит к ним навстречу и, держась в приличном отдалении от человека, всячески старается отвести его в противоположную сторону от теленка, который крепко лежит где-нибудь в кустах или чаще, под валежиной и т. п. Он выскакивает из своего убежища, только когда будет вынужден к тому собаками, без которых редко удастся найти притаившегося лосенка. Впрочем, с месячными телятами лосиха редко отводит и большею частью, завидев или заслышав опасность, поспешно обращается в бегство вместе с ними. Месячные лосята уже начинают понемногу есть осиновые и таловые прутики, а трехмесячные, по-видимому, уже мало сосут матку. Это следует заключить из того, что они в скором времени покидаются на целый месяц матерями (которые в сентябре начинают обганиваться) и в продолжение всего периода течки ходят вместе с молодыми годовалыми или двухгодовалыми лосями. По окончании гоньбы мать непременно находит своих телят, которые, впрочем, не уходят очень далеко и придерживаются известной местности, которая бывает весьма ограничена в том случае, если лосята ходят одни. Это время едва ли не самое

гибельное для молодых лосят; лишенные попечения матери, они не имеют еще настолько опытности, проворства и силы, чтобы избавляться от своих врагов, и в большом количестве истребляются рысями, медведями, росомахами и волками. Заметим, что телята, тем более очень молодые, ходят большею частию только по утрам и вечерам, а днем лежат в чаще, обыкновенно вместе с матерью; последняя призывает их особенным тихим мычанием. В том случае, если теленок в отсутствие матери будет пойман или убит, последняя очень долго приходит на это место и ищет его, почему нередко удается выждать ее и застрелить; точно так же, даже скорее, теленок ворочается к убитой матке. Лосята ходят с матками всю зиму до следующего помета и отгоняются ею незадолго перед родами; ходят они тогда или одни, или присоединяются к молодым лосям. Довольно часто такие годовалые безрогие лоси-валюны ходят в стаде коров или лошадей; в 1866 году в Пышминском заводе такой лось пристал к стаду и ходил с ним в самое селение раз пять и, конечно, был, наконец, убит. Иногда, впрочем, к стаду подходят и взрослые лоси, но это, кажется, большею частию случается осенью, во время течки. Вообще лосей видят в стаде довольно часто, и нам известны два подобные случая и в Ярославской губернии.

Лосята, пойманные очень молодыми, легко и скоро приучаются к человеку, и надо полагать, что при некотором уходе и достаточно просторном помещении такие прирученные лоси могут размножаться и могут быть приучены к упряжи. Вообще акклиматизация лося была бы очень полезным и весьма возможным делом, и несомненно, что постоянные заботы и уход за двумя-тремя поколениями, выведенными в домашнем состоянии, вполне вознаграждают труд приобретением новой домашней породы, замечательной быстротою бега, силою, вкусом мяса, большим количеством молока и весьма ценною кожею. Подобные опыты акклиматизации и выездки лосей делались в Швеции и увенчались полным успехом, а в северной полосе России они представляли бы еще меньшие затруднения. В третьем поколении лоси, без сомнения, потеряли бы всю прирожденную дикость лесного животного и вполне бы одомашнились; польза и выгода от них была бы гораздо значительнее выгод, доставляемых северным оленем. В неволе лоси довольно смирны, особенно самки, но взрослые самцы во время течки весьма опасны, и потому их следует в это время держать взаперти.

Главное затруднение при воспитании лося — доставление ему соответственной пищи. Лось, как мы знаем, кормится исключительно горькими растениями, почему кроме сена и пр. необходимо давать ему немного осиновых и тальниковых веток, еще лучше — прибавлять к корму корья или дубильных веществ. Очень часто молодых лосей окормливают мучной болтушкой или овсянкой, которая для него весьма вредна; обыкновенно они умирают тогда от ожирения и раздутия живота или, наоборот, от истощения.

В 1865 году я имел случай убедиться в необходимости давать молодым лосям природный корм. В конце июня этого года в бытность мою в Ярославле, узнав случайно, что в Угличском уезде, недалеко от границы Романовского уезда, в Тамаровском лесу один крестьянин нашел только что родившегося лосенка, между тем как другой был уже в состоянии следовать за убежавшей матерью, я немедленно отправился туда и приобрел теленка (самца), которому было уже около десяти дней; но, вероятно, от недостаточной пищи он был еще очень слаб и почти не мог ходить, так что мне пришлось нести его верст шесть на руках; несмотря, однако, на свою слабость, он весил уже более пуда и всю дорогу порядком дрыгал ногами, так что доставил мне очень много хлопот. Несколько дней пришлось поить его молоком с руки, как новорожденных телят; только через неделю он начал пить молоко без помощи пальца. Через месяц лосенок легко выпивал по две больших крынки, так что из экономии ему стали давать сначала овсяную болтушку

на молоке, а потом на воде, также хлеб и сено; сам он также щипал траву, широко раздвинув передние ноги, а иногда становился на колени.

Пользуясь полной свободой, лосенок уходил довольно далеко со стадом и возвращался обратно; часто ходил на реку и кормился ивняковыми прутьями, чему и надо приписать, что он пользовался полным здоровьем до зимы, когда его пришлось держать во дворе, даже большею частью взаперти, и кормить одним сеном и овсянкой. Лосенок этот приручился очень скоро, очень хорошо знал свое имя, прибегал на зов и был особенно привязан к кормившей его женщине; первое время он все лез к коровам, которые сначала очень его дичились; собак он терпеть не мог и при приближении их прижимал уши, закатывал глаза и лягал их передними и задними ногами; впрочем, впоследствии он очень сдружился с одной собачонкой и никогда не трогал ее. Вообще он был очень смирен и легко выучился ходить на поводу, и я уже мечтал о возможности объездить его, но в мое отсутствие его так окормили овсянкой, что у него сделалось раздутие живота и он окошел, не достигнув семимесячного возраста.

Молодые лоси, как мы сказали, часто подвергаются нападению медведя, нередко давятся рысями, росомахами и волками; последние, собравшись целой стаей, иногда заганивают и взрослого лоса, который, впрочем, храбро защищается в этом случае и дорого продает свою жизнь; в одиночку на взрослого сохатого нападает только одна рысь, которая подстерегает его на тропах и внезапно бросается на него с дерева; впрочем, и тут лось, бросившись в ближнюю чащу, нередко успевает избавиться от этого неожиданного всадника. Медведя матерый лось несколько не боится и, как говорят, наносит ему такие сильные удары передними и задними ногами, что убивает его до смерти.

Но, без всякого сомнения, гораздо большее количество лосей истребляется зверопромышленниками, которые во множестве стреляют их, заганивают на лыжах и ловят ямами и ловушками. Рассмотрим отдельно каждый из этих способов добывания.

Стрельба лосей производится различным образом, смотря по времени года, но большею частью их добывают так летом, и эта охота имеет на Урале гораздо меньшее значение и менее добычлива, чем гонка, ямы и ловушки. Весной лоси всегда очень осторожны, и потому в это время редко удастся, чтобы они подпустили на выстрел; в июне и июле уже нередко бьют лосих, когда они стараются отвести охотника от своего теленка, но дело в том, что найти их довольно трудно, так как они в это время придерживаются весьма незначительного района, откуда никуда не выходят — ходят нешироко, как выражаются промышленники. Последние, застрелив матку, отыскивают собаками спрятавшихся лосят и прикалывают их или тоже застреливают — смотря по обстоятельствам; случается, что охотник, наоборот, сначала убивает теленка и поджидает самку, которая не преминет вернуться к тому месту, где его оставила. В конце июля и начале августа, когда лоси жадно едят *Menianthes*, их караулят на болотах; охота эта продолжается, впрочем, весьма короткое время — немного более недели; затем во время рева отыскивают самцов на голос и скрадывают их, разумеется, тоже против ветра; так же подстерегают лосей у омутов и озер, куда они постоянно ходят купаться, и, усевшись в засаде, поджидают их; обыкновенно лоси являются сюда под вечер, и, если соблюдены некоторые предосторожности, охота эта редко бывает неудачна. Иногда бьют лосей в самый разгар гоньбы, когда самка, тем более самец бывают далеко не так осторожны и чутки, как во всякое другое время; при этом обыкновенно стараются убить сначала самку, потому что очень часто самец в горячности не слышит выстрела, и если и убегает, то скоро возвращается и в свою очередь попадает под пулю; надо только целить как можно вернее, потому что во время гоньбы самец весьма опасен и почти всегда бросается на

ранившего его охотника. Вообще следует заметить, что сохатый довольно слаб на пулю и при верном выстреле в грудь редко уходит далее версты, особенно если его оставить на время в покое и не преследовать; в противном случае он может убежать очень далеко.

Во время сильных жаров, когда овод и самые жары заставляют лосей искать убежища в воде и когда они стоят в реке, высунув только голову и ноздри, в Богословске добывают их следующим образом: небольшую лодку обтыкают кругом таловыми или другими ветками и тихо спускаются по реке к тому месту, где ожидают найти сохатых, которые обыкновенно ходят купаться в один и тот же бочаг, в особенности любят глубокие заливы, т. н. курьи, где всегда бывает много водяных растений. В северо-восточных частях Верхотурского уезда вогулы бьют также лосей по вечерам из шалашей, устраиваемых на т. н. засалах (застойная со ржавчиной вода на болоте), куда лоси ходят с весны до июля месяца. Заметим, кстати, что здесь с Ильина дня до начала течи лоси держатся большею частью в горах, где всегда бывает много кипрея и малины.

В Богословске летом добывают лосей также при помощи собак, которые нагоняют зверя и, забежав вперед, останавливают и отвлекают его внимание; охотник между тем потихоньку подходит к нему на выстрел. Для этой охоты необходимы очень хорошие проворные и ловкие собаки, которые бы могли нагнать и сумели задержать, не подсовываясь очень близко к зверю, который всячески страшит их рогами и норовит ударить передними ногами; охотники рассказывают, что хорошие собаки, иногда одна, держат таким образом лосей и не дают им сдвинуться с места, не дают ходу не только в продолжение нескольких часов, но даже целые сутки и более. Этому можно верить, так как у богословских охотников зверовые собаки поистине замечательны.

Стрельба лосей из засады при помощи нескольких загонщиков — охота самая употребительная в средней полосе России — в Пермской губернии встречается очень редко, хотя гористая местность ей весьма благоприятствует. Как известно, лось ходит всегда логами, и потому если одни охотники засядут в самом узком месте лога, а другие станут потихоньку гнать зверя в надлежащем направлении, то он легко подходит на расстояние винтовочного выстрела; для этого необходимо только знать наверное, где именно держится лось, о чем нужно позаботиться заранее.

Гораздо чаще стреляют таким образом, т. е. из засады, в конце зимы. С этою целью замечают заблаговременно жир — то место, куда лоси ходят кормиться ранними утрами и под вечер; один охотник или несколько прячутся в недалеком расстоянии от тропы, ведущей на жир, а остальные спугивают стадо, которое, боясь наста, непременно идет проторенной дорогой и непременно проходит мимо укрывшихся охотников. При этой охоте ближайший стрелок должен выждать, пока мимо его не пройдет все стадо, и стрелять в задних; в противном случае они могут повернуть назад и избежать выстрелов следующих охотников. Иногда также подстерегают лосей на самых жирах.

Наконец, лосей скрадывают осенью по первому мягкому снегу, разумеется, тоже против ветра и без собак, которые тут будут только мешать и задержат исход охоты. При некотором навыке подкрасться к лосю не так трудно, как кажется, судя по его осторожности и чуткости, но все-таки это гораздо мудренее, чем скрасть близорукую косулю. Большею частью для этой охоты выбирают ветреную погоду; найдя свежий след, который легко узнать, осторожно идут этим следом, часто останавливаясь и осматриваясь, особенно если придется идти чаще; впрочем, в том случае, когда лоси остановились в густом осиннике или ельнике, успех охоты весьма

сомнителен, так как трудно пройти без шума. Если же это удастся, то очень мудрено их высмотреть и верно прицелиться.

Все эти охоты имеют гораздо меньшее значение, чем гонка и ловля лосей; в особенности это следует отнести к летним охотам, которые есть дело случая и далеко не доставляют охотникам тех выгод, которые они получают осенью и зимою, так как в летнее время шкура лоса, собственно мездра, покрыта большим количеством дыр или оспин (смотря по времени), сделанных вышедшими личинками овода, и ценится гораздо дешевле осенней и зимней.

Ловля гонкою производится по первому зимнему пути или в марте по насту, когда лось, пробивая обледеневшую кору, вязнет в снегу, обдирает себе ноги и скоро утомляется. В последнем случае можно охотиться без собак, с одним ружьем, на лыжах, но в первом — необходимо иметь хорошую собаку, еще лучше двух или более; нередко подобная охота производится целою артелью, и, конечно, она тогда бывает гораздо безопаснее, менее продолжительна и гораздо добычливее: иногда удается таким образом перестрелять целое стадо голов в 5—10 и более, смотря по количеству охотников, из которых каждый выбирает себе одного зверя, так как нередко при первом выстреле стадо разбивается на несколько небольших частей и лоси разбегаются в разные стороны. Успех охоты много зависит от глубины снега, а всего более от искусства собак: если снег мелок, гонка продолжается иногда два или три дня сряду и более: от собак же необходимо требуются легкость и настойчивость и вместе с тем хладнокровие, иначе они не скоро нагонят и не скоро остановят зверя, заркая же собака как раз попадет ему под ноги или на рога; слишком горячая, вместе с тем увертливая собака приносит также большой вред тем, что лось, крепко нажимаемый ею, не стоит долго на одном месте и, отдохнув немного, бежит опять на версту или более. Хорошая собака должна, остановив лоса, лаять на него в приличном отдалении — на десять-пятнадцать сажен, бегать кругом его, продолжая лаять, но отнюдь не делая приступа. Лось обыкновенно страшится ее рогами, бьет копытом землю, мотает головой и, поворачиваясь за собакой, наблюдает за нею и продолжает угрожать рогами; таким образом отвлекается его внимание от охотника, который потихоньку подкрадывается к зверю на лыжах и стреляет из винтовки; если лось ранен и побежит далее, собаки снова нагоняют его и снова останавливают, и эта гонка продолжается до тех пор, пока лось не обессилеет совершенно от преследования и раны или не подпустит охотника на новый выстрел. Впрочем, в большинстве случаев раненый лось не допускает близко охотника до последнего истощения сил: тогда зверь останавливается, и его нередко закалывают просто ножом, привязанным к концу рукоятки койка, — нечто вроде весла, служащего охотнику вместо баланса и ускоряющего его бег на лыжах; коек этот, впрочем, употребляется исключительно соликамскими охотниками, которые искусно бросают его в зверя как копье или стрелу, редко давая промах, а большею частью убивая лоса наповал; зверовщик, однако, заблаговременно принимает некоторые предосторожности и, прежде чем решается пустить коек, заворачивает лыжи, дабы в случае неудачи ускользнуть от страшных копыт лоса, который немедленно кидается на охотника, чтоб затоптать ногами или схватить на рога. При продолжительной гонке нож, привязанный к койку, а у богословских охотников — рогатина, нередко и один нож решают успех охоты, так как промышленники, гонясь за лосем сутки и более, бросают винтовки и даже снимают верхнюю теплую одежду. В глубокий снег охота эта бывает очень добычлива, и, как уже было упомянуто, случается, что двое охотников в одну неделю добывают до двух десятков лосей. Иногда, хотя очень редко, заганивают лосей верхом с собаками или даже без собак, но для этого необходима очень сильная и неутомимая лошадь, и потому гонка без собак не так надежна; кроме того, сохатый часто нарочно идет такими чашами, где не скоро проберешься пешком и изорвешь все платье; поэтому его гонят на вершине только в редколесье. Таким образом Василий Крючок, кыштымский охотник, загнал двух лосей; на

севере охота эта, кажется, никогда не употребляется. Наконец, изредка случается загнать лося на ледяную поверхность озера, на которой он скользит и падает и где нетрудно бывает покончить с ним одним ножом; вся задача состоит в том, чтобы выгнать его на озеро, почему для этой охоты требуется несколько охотников и собаки, и вообще она требует большого искусства и много сноровки.

Если заганивают лосей по насту без собак, то лучше всего не преследовать раненого зверя и отыскивать его через несколько часов или на следующий день: тогда он редко уходит далеко. Раненый и очень уставший лось сбивается с рыси и начинает скакать; это служит верною приметою, что он скоро остановится и окончательно выбьется из сил. Следует заметить также, что чем моложе лось, тем загнать его легче, а также, что самки устают гораздо скорее самца, скорее останавливаются и что как молодые лоси, так и лосихи гораздо безопаснее взрослого быка и редко бросаются на охотника.

Ловля лосей ямами в наибольшем употреблении на западном склоне Урала и в Соликамском уезде по преимуществу; в Богословске, Павде и Тагиле ямы на лосей делаются очень редко, и гораздо чаще ловят их, ставя во время хода на тропах большие медвежьи капканы, по пуду и полтора, иногда тоже с цепью и чуркой. Ямы устраиваются всегда в логах, на перевалах и долинах рек, также около известных переправ и бродов — одним словом, в таких местах, которыми они ежегодно проходят через Урал осенью и возвращаются весной обратно; следовательно, главная ловля ямами происходит в сентябре, октябре и затем в апреле и мае — во время известных перекочевок лосей с одного склона на другой. Ямы эти располагаются в несколько рядов на значительном расстоянии один от другого, и понятно, что главное расположение ям будет от севера к югу соответственно направлению горного хребта; кроме этих главных рядов устраиваются побочные цепи ям по направлению от запада к востоку; расстояние ямы от ямы и число их весьма неопределенно и зависит от местности, но многие охотники имеют по нескольку десятков и даже по нескольку сот таких ям. Все ямы соединены между собою высокою оградою жерди в три или четыре, так что лось необходимо должен пройти в отверстие изгороди, к которой плотно примыкают длинные бока ямы; без изгороди лось никогда не пойдет в яму, но и при ограде ему удастся иногда перепрыгнуть через нее или обойти всю цепь; вот здесь и оказываются полезными побочные ряды ям, которые заставляют его возвратиться обратно и решиться пройти в одно из отверстий изгороди. При этом лось ступает с большою осторожностью и старается пройти по краю ямы, что и удается ему, если ограда не примыкает к яме; впрочем, это случается очень редко, и зверь большею частию проваливается и падает в яму. Ямы на лосей делаются несколько иначе, чем на козлов, именно они несколько больше — в длину и глубину немного более сажени, а шириною в два аршина; для того чтобы яма не обсыпалась, кроме сруба наверху, сделанного из тонких бревен, стены ее выкладываются стоячим тыном из гладких жердей; земля из ямы разбрасывается и закрывается хворостом, щепки увозятся или сжигаются, отверстие ямы прикрывается вдоль тремя или четырьмя тонкими жердями, на которые накладываются поперек прутья, затем кладется мох и, наконец, земля; все это делается как можно аккуратнее, без малейших сквозных отверстий, потому что лось гораздо осторожнее козули. Зверь, упавши в яму, большею частию, особенно старый, сидит в ней смирно и начинает барахтаться только при виде приближающегося охотника; часто случается, что попавшегося лося съедают волки, медведь или же что он издыхает и в теплую погоду даже сгнивает. Соликамские зверовщики осматривают ямы через каждые две недели, даже чаще, и, застав живого зверя, обходят его сзади и колят ножом или рогатиной под переднюю лопатку; спереди к сохотому никогда не следует подходить близко, потому что он легко может схватить человека за платье своей верхней, весьма мускулистой губой, сдернуть к себе в яму и затоптать ногами: нередко лось

достаёт человека, стоящего на два шага от переднего края ямы. Заколов зверя, промышленник вытаскивает его из ямы на толстой веревке при помощи ворота, нарочно для того устраиваемого, а вдвоем или втроем легко поднимает его посредством длинных и толстых рычагов; затем с сохатого снимают шкуру, стараясь, если можно, свежевать его в отдалении от ямы, изрубают мясо на части и увозят добычу большею частию на лошадях, редко тащут ее волоком на нартах, и то когда снег бывает уже очень глубок. Ямами и гонкою по первому зимнему пути добывают на западном склоне наибольшее количество лосей; между тем как на восточном главным образом добывают их весной, заганивая по насту, а в остальное время года — особенными ловушками.

С этою целию, точно так же, как и при устройстве ям, в Соликамском уезде загораживают с трех сторон около четырех квадратных верст или вытягивают изгородь в прямую линию в надлежащем направлении верст на 5—15 и более; изгородь делается большею частию в две жерди и в известных местах, наиболее удобных для прохода лосей, или там, где ими наделаны тропы, оставляют ворота, в которых на деревянном шарнире утверждается тяжелый оцеп — очищенная от сучьев жердь толщиной у корня от 3—4-х вершков и длиною от шести до девяти аршин; к тонкому концу очепа прикрепляется почти вертикально широкий 5—8 вершковый нож; другой конец должен быть гораздо толще и значительно перевешивать тонкую половину жерди — для большей силы удара. Настораживается эта слега таким образом: она пригибается книзу почти в вертикальном направлении, и нижний конец с ножом придерживается сторожкой, от которой протягивается в ширину ворот, на некотором расстоянии от земли тонкая бечевка, называемая обыкновенно симою. Лось, проходя в ворота, большею частию задевает за симу, и вместе с тем тонкий конец очепа соскакивает со сторожки, и нож со всего размаха ударяет в брюхо или бок зверя, который обыкновенно в скором времени издыхает и редко уходит далеко. Таких ворот бывает иногда по пятидесяти и более; сами изгороди обыкновенно делаются целою артелью промышленников, которая нанимает особого сторожа, обязанного осматривать ворота и давать знать охотникам о всяком убитом звере; иногда таким образом добывают и оленей, волков, даже медведей, но волки и медведи, несмотря на тщательный присмотр, часто также съедают попавшегося сохатого. В такие проходы последний идет гораздо смелее, чем в ворота с ямами, и ловушки эти вообще надежнее; лоси попадают в них во всякое время года, но большею частию в начале зимы; впрочем, их много попадает и летом, но в этом случае мясо часто гнивает и пропадает даром; в летнее время проходы эти делаются на тропах, которыми лоси ходят на водопой.

Остается теперь рассмотреть ценность и употребление продуктов, доставляемых лосями. Продукты эти весьма разнообразны: кроме кожи, мяса и сала в дело идет шерсть, рога, а в Соликамском уезде даже брюшина, которая не так давно еще заменяла дорогое стекло.

Сырая лосиная шкура весит иногда до 3-х пудов и обыкновенно выделяется на замшу, которая бывает наилучшего качества позднею осенью и зимою; летние шкуры, покрытые большим количеством дыр или оспин, почти не идут в продажу, а оставляются для домашнего употребления. Шкуры, выделанные вместе с шерстью, идут также в большом количестве на т. н. в Богословске яги и дахи — шерстью вверх, которые бывают тем прочнее и легче, чем короче шерсть; впрочем, эти шубы всегда гораздо тяжелее и далеко не так теплы, как козлиные или оленьи: первые употребляются исключительно в Южном, вторые — Северном Урале предпочтительно перед лосиными; исключение составляет западный склон Урала и Соликамский уезд в особенности, где оленей гораздо менее, чем лосей, и потому соликамы готовят из лосиных шкур почти всю свою зимнюю одежду, шьют из них совики — тоже дахи, малицы, т. е. шерстью вниз, шапки — вверх или вниз шерстью, сапоги и кеньги, т. е. сапоги без голенищ.

Хорошая шкура продавалась (в 60-х годах) из первых рук обыкновенно по 1 р. 50 к. до 6 р. с., а именно шкура годовалого лося-валюна ценилась 1 р. 50 к. до 2 р. с., двухлетнего — 3—4 р. с., трехлетнего — около 5 р. с. и, наконец, самая большая шкура 6 р. с. Большая часть таких шкур, годных на выделку хорошей замши, а лосиная замша, надо заметить, всегда бывает гораздо лучше оленьей, скупается местными или приезжими купцами: в одном Богословске одни тамошние торговцы ежегодно скупают не менее двухсот шкур, а кроме того, еще большее количество шкур идет для местного употребления — на шубы, ремни, штаны и обувь, которая отличается своей необыкновенною прочностью; подошвы сапогов делаются обыкновенно из толстой кожи на шее самца, убитого во время течки. (8) Сбрита шерсть идет в большом количестве на набивку матрасов и мебели и по своей упругости составляет самый лучший материал для последней, почему ценится довольно дорого.

В Богословском Урале и вообще на севере Пермской губернии, где скота держат очень мало, мясо лося имеет весьма большое потребление и продается довольно дорого, именно около рубля серебром (Тагил); ценность его, впрочем, много зависит от времени, когда убит лось, и в посты бывает значительно дешевле. Мясо самца, убитого во время течки в сентябре и октябре, имеет весьма неприятный вкус, дурно пахнет и скоро портится, почему очень редко употребляется в пищу; мясо самки никогда не имеет этого неприятного вкуса и запаха, но следует заметить, что сохатина, хотя вообще здорова и питательна, но несколько отзывается пихтою (серою) и хороша только когда недавно добыта, иначе она истекает и делается очень сухою и дряблєю. Молодые телята имеют очень вкусное и сочное мясо, которое и ценится несколько дороже, но всего вкуснее верхняя губа сохатого, из которой в Соликамском уезде делают студень, в Богословске покупают ее по 50—80 к. с., маринуют в уксусе с пряностями и подают для закуски; также очень вкусен мозг лося, который в Соликамском уезде обыкновенно жарят на сковороде с приправой из яиц и пшеничной муки. Здесь обыкновенно разрубаят мясо лося на 10 частей: 1) голову, 2) шею, 3) кострец, 4) задние холки, 5) зад между стегнами, 6) середину спинной кости, 7) переднее стегно, 8) ноги, 9) передние лопатки, 10) грудину; внутренности, кроме печени, отдаются собакам и, конечно, лось свежуеться в лесу. Соликамские звероловы нередко употребляют в пищу испорченное мясо или мясо лося, издохшего в яме, но в таком случае высушенное в печи. Лось дает большею частью около 15 пудов говядины, иногда до 25 и в весьма редких случаях (в Богословске и Соликамском уезде) до 30 пудов. Самая лучшая добыча сохатого на мясо и самое жирное мясо бывает перед течкой — в начале августа; тогда с большого зверя снимается до 2-х пудов сала, которое идет в пищу или продается около 3 р. с. за пуд; сало это очень бело и крепко и несколько похоже на стеарин

Рога лося, достигающие до сорока, а в исключительных случаях до пятидесяти фунтов, иногда бросаются охотниками, но большею частию идут на разные домашние поделки, например на черенки к ножам и т. п., или продаются особым скупщикам от 10 до 50 к. с. за пару; отсюда рога идут в большом количестве в Устюг на выделку разнообразных костяных изделий или перепродаются в аптеки, где из них готовят летучий спирт и студень, весьма полезный для чахоточных.

Судя по тому, что в северной половине Пермской губернии ежегодно убиваются сотни, иногда даже тысячи лосей, нельзя не признать за этим промыслом первенствующего значения: доставляя ценную шкуру, большое количество мяса, отчасти или вполне заменяющее говядину, и, наконец, тоже довольно дорогое сало, лось, бесспорно, может назваться самым прибыльным и полезным животным, не исключая и северного оленя, выгоды от которого менее значительны. Это в особенности относится к западному склону Урала и Соликамскому уезду, где число северных оленей сравнительно с лосями едва ли составляет и десятую часть. На одном лосе зверопромышленник выручает иногда до 25, даже до 30 р. с.

Примечания (1) Следовательно, уже на западном склоне Урала.

(2) В Богословске и в Соликамском уезде название лось употребительно мало; чаще называют его сохатым или просто зверем. Валюном зовут исключительно годовалых (?). Башкирцы называют лося блон, зыряне — ёра.

(3) Помет самок обыкновенно состоит из разбросанных, а помёт самцов из склеившихся шариков. Замечание это относится также к косуле и к оленю.

(4) Иногда он становится на колени. В Средней и Западной России лось весьма охотно ест листья, почки и кору дуба, встречающегося только в юго-западной части Пермской губернии.

(5) Рев лося подобен звуку, производимому ударом обуха топора об дерево; самка отвечает ему подобным же голосом, но нежнее. На северо-востоке Пермской губернии и в Тобольской вогулы удачно подражают этому звуку обухом топора; самец без всякой осторожности приближается к засаде.

(6) Замечательно, что во время течки собаки не преследуют лося по причине его душного следа, которого они боятся.

(7) Большею частию при двойнях бывает один самец и одна самка; иногда, впрочем, два самца, но никогда две самки. Тройни у лосей здесь никогда не бывают.

(8) Кожа, снятая с ног, идет на ремни и обивку лыж.